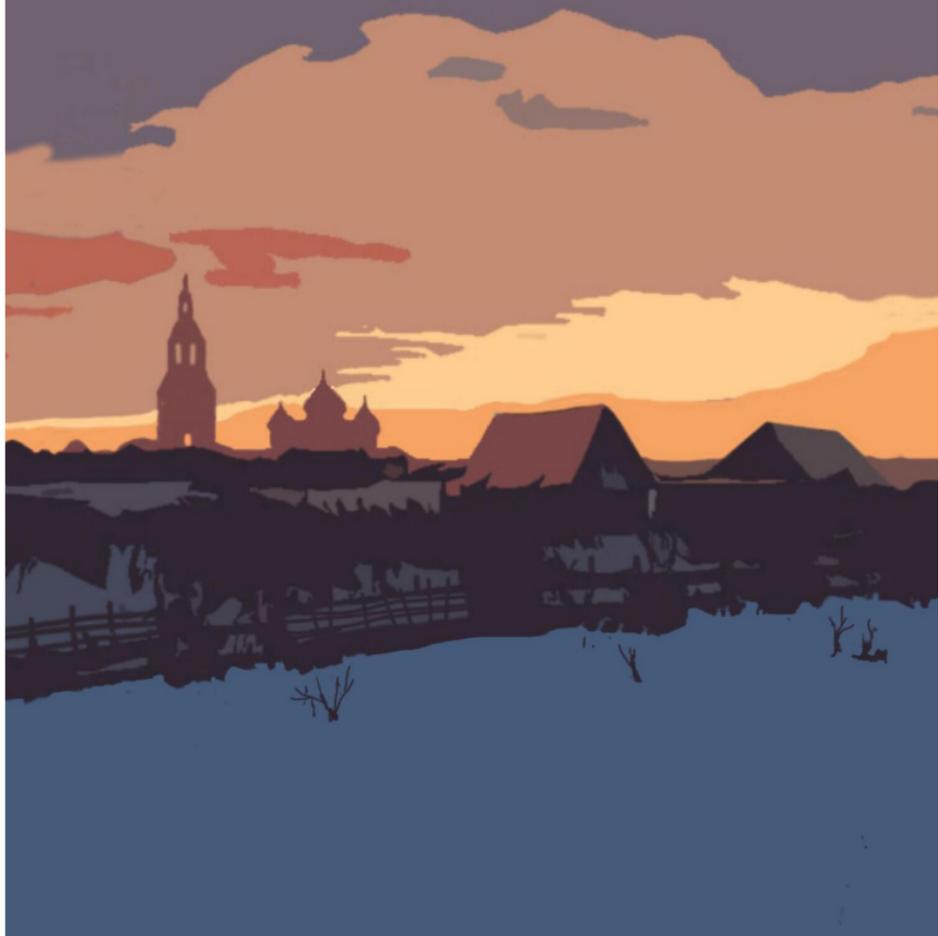

Владимир Шемeneв

БЕЗБОЖНИК

Владимир Шеменев

Безбожник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68620997

SelfPub; 2022

Аннотация

Год 1932, в стране дан старт безбожной пятилетке: церкви закрываются, храмовое имущество уничтожается. В одном из сёл один очень ушлый и инициативный мужичок решил под шумок создать музей. Но что-то пошло не так....

Содержание

Владимир Шеменив

Безбожник

Эта история произошла в одном из сёл Центрально-Чернозёмного края, между лесом и степью. На речке, что течёт через село, полно отмелей, водоворотов и омутов. Берега плоские и песчаные, покрыты ковром из мать-и-мачехи, а супротивные – крутогорьями и осыпями. Выговор у селян тягучий, нежный, ласкающий слух; велосипед называют «лисопедом», а дорогу – «большаком». Церковь там закрыли в тридцатом, а открыли в девяносто первом. Спросите, как село называется? Да какая разница. Тысячи таких сёл по России, и историй таких тысячи. Только заканчивались они все по-разному.

– Парчу-то зачем жечь? Из неё скатерти можно пошить. В сельсовете столы вон, как жопы, голые, только что газетами прикрыты. – Макар тронул Тихона Ильича за руку, предлагая подумать, прежде чем отдать команду на всеожжение.

– А ты, Макар, решил срамоту новой власти парчой прикрыть, мол, красивей будет, – голос из толпы, вызвав смех, колыхнул скопище зевак.

Макар промолчал, зная, что они не повинны в своём же-

стокосердии. А вот председатель – тот самый, чью руку Макар придержал, остановив приказ залить керосином благодать Божию, – не совладал с собой.

– А ну молчать всем! – Смех людей, вызвавший злобу у председателя сельсовета Тихона Ильича Бирюкова, замер с первыми выстрелами.

Палил председатель из нагана в воздух, зыряка по сторонам. Он ненавидел их – этих сытых, довольных, красномордых от мороза односельчан-упырей. В своих глазах он был герой, не жалевший жизни на фронтах мировой и гражданской. А для них – босяк, нищеврод, калека (одноногий на костылях) фронтовик в дырявой от пуль шинели, в будёновке вместо шапки. И если бы не револьвер и не десяток вверенных ему вооружённых милиционеров, народ наверняка растерзал бы богохульника. Но толпа молчала, подавленная прошедшими в прошлом году арестами.

Тогда, выполняя спущенную сверху директиву, Бирюков с активистами из числа первых колхозников провёл на селе опись всего имущества, с тем чтобы хозяева не пожгли и не распродали своё же кровное, которое, по пролетарской логике, принадлежало уже не им, а только что созданному колхозу «Первая пятилетка».

Возмущённых хозяев пришлось арестовать и отправить в

райцентр, как думали на селе – ненадолго. Разберутся, выпишут очередной налог и отпустят. Их ждали, но они не ехали. Кто-то из актива по пьяни проговорился, что всех задержанных лишили прав, а следовательно, и шансов на возвращение. А тут слух прошёл или видел кто, как лишенцев вместе с семьями погрузили в теплушки и отправили куда-то на север, в края нежилые, погибельные. Это известие напугало деревню, заставив недовольных или заткнуться, или притихнуть.

И вот новая директива, согласно которой сплошную коллективизацию увязали с ликвидацией церковей. Мол, пока стоят церкви, в стране всё будет плохо. И пошло-поехало, как снежный ком. Церкви закрывали, попов высылали, имущество или грабили (растаскивая по себе), или сжигали. Можно подумать, что Сам Господь запрещал сеять и пожинать плоды труда своего. «И сеял Исаак в земле той и получил в тот год ячменя во сто крат: так благословил его Господь»¹.

Но те, кто писал план новой пятилетки, «пятилетки безбожников», умышленно извращали суть спущенных с Небес заповедей, тем самым подыгрывая врагу рода человеческого.

Власть запретила богослужения, в то же время поощряя употребление колбасы и молока в пост. Возле сельпо и на рынке повесили плакаты, на которых бородатый старичок, очень похожий на отца Леонтия, обращаясь к народу, сти-

¹ Быт. 26:12.

хоплётствовал: «Верующий, если нету бога, то нет и поста, смело ИДИ ДО магазина, ждёт тебя там свинина», – и ниже стояла подпись в скобках: «Народная поговорка». Народ ухмылялся, мужики крутили усы, девки – локоны, и шли до сельмага.

Само по себе употребление мяса в пост – при том, что ты готов умереть за Христа прямо здесь и сейчас – не являлось грехом. Другое дело, когда количество употребляемого скоромного² становилось в обратную пропорцию к желанию умирать. Тем более за Бога, которого никто не видел. Об этом писали газеты и тараторили лекторы из агитбригад безбожников, колесивших по району всё лето. И, надо сказать, у сатаны получилось отвадить христиан от Христа: пост не держали, лоб не осеняли, на сон грядущим³ не читали – просто жили и умирали в пустоту.

А как за храмы взялись, так и защитники не нашлись.

Вот и сегодня, созерцая разруху – побитые окна, распахнутые настежь двери, пустую колокольню и купол с погнутым, обезображенным крестом (из-за того, что его не удалось сбить), – народ молчал, пожирая глазами то, что при-

² Скоромное (от устар. скóром, ст.-слав. скрамь – жир, масло) – молочные и мясные продукты, которые не рекомендуется употреблять в пост.

³ Вечерняя молитва

надлежало Богу и должно было исчезнуть в горниле индустриализации.

Речь шла об имуществе сельского храма – вытащенном, сваленном и подлежащем уничтожению. Гора была приличной. Одних только тканевых предметов культа собрались вагон и маленькая тележка: одежды священнические, стихари пономарские, покрывала с престола, завесы, покровцы⁴, камилавки⁵, хоругви, плащаницы, отрезы материи, скатерти кружевные, полотенца расписные. Всё шёлковое да парчовое, шитое нитками золочёными, с крестами и вензелями кручёными. Всё это было представлено семикратно⁶ по цветам, по праздникам. Сверху набросали книг, навалили икон, предварительно сняв киоты. Из них, по задумке уполномоченного просветителя из района, надлежало изготовить стенды уведомительные, просветительные и порицательные – отражающие суть проходивших по всей стране изменений.

А изменения были налицо.

Несмотря на то, что «безбожная пятилетка» официально так и не была объявлена, Советская власть умудрилась только за один год⁷ ликвидировать семьдесят епархий, арестовать сорок епископов и митрополитов и закрыть девяносто

⁴ Покровцы – расшитые матерчатые платы, которыми покрываются дискос и потир во время литургии.

⁵ Камилавка – головной убор священника.

⁶ Цвета богослужений в зависимости от церковных праздников и священных событий: белый, красный, желтый, зеленый, синий, фиолетовый, черный.

⁷ Речь идет о 1932 г.

пять процентов церквей, существовавших ещё в двадцатые годы.

– Ты посмотри, ткань какая, золотом шита... а ты сжечь. – Макар Кузьмич исподлобья смотрел на председателя.

– И что с того? – Тихон Ильич качнулся и переступив костылями, переноса тяжесть тела на здоровую ногу. – Наша власть – это власть трудового народа. И парча мне твоя и в хрен не впилась.

– А она не тебе нужна, а той самой власти, о которой ты тут трезвонишь. Нищая власть не внушает уважения. Власть должна быть солидной, с достоинством. Бабам отдадим – пошьют скатерти, да занавески, да на стулья поджопники. Красота будет... Всё лучше, чем сжигать. А кто придёт за справкой али ещё за чем, сразу поймёт: вот она власть какая. А тут шелков да парчи... если с умом раскрыть, весь район украсить можно.

Бирюков хотел возразить: мол, мне твои шелка до одного места, – но осёкся, поймав взгляд уполномоченного из района.

– И что вы предлагаете, Макар Кузьмич? – Уполномоченный переложил портфель в другую руку и подышал на окованные пальцы. Мысль была здравая. Ткань – она и есть ткань, и то, что ткани не было в стране, он тоже хорошо знал.

– Всё это здесь оставлять нельзя... Растащат.

– На поджопники...

– Тихон Ильич, ну полно вам юродствовать, не перебивайте. – Товарищ из района был человеком тонкого душевного настроения. Он не любил бунтовщиков и самодуров из числа низшего звена. Любимой его присказкой была фраза кого-то из древних: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Услышал он крылатое выражение будучи еще семинаристом и с тех пор руководствовался им в жизни, прощая начальству крупное и не спуская подчинённым малое.

– Так вот... перенесём всё ко мне в дом.

– Это за каким... – председатель хотел добавить «хреном», но промолчал, чувствуя, что товарищ из района во всём почему-то согласен с Макаром.

Уполномоченного звали товарищ Шпаков. Он так и представлялся, не удосуживаясь произнести своё имя и отчество. Невысокого роста, остроносый, с выпученными глазами, товарищ из района был одет по-зимнему: в валенки и длинное, до пят, серое пальто с лисьим воротником, подбитое изнутри ватином. На шее – красно-пролетарский шарф, под пальто – стёганая безрукавка, а вот на голове почему-то не по сезону красовалась простая фетровая шляпа, продуваемая ветрами и пронизываемая холодами. Этакая дань моде, отчего от мороза нос и уши уполномоченного были под цвет шарфа.

И была у товарища Шпакова одна тайна, которую он берег, как Кощей свое яйцо. Когда-то он служил чтецом (не в

этой области и не в соседней, а за 500 км) и даже окончил один курс семинарии, был исключён за курение и матерщину и это поставил себе в заслугу, устраиваясь на работу в отдел культуры. Но не это было тайной, а боязнь неотвратимого наказания за дела безбожные.

Ему очень не хотелось ехать сюда, а потом писать отчёт, что и как горело и сгорело ли. В семинарии он и сам читал, и пресвитеры рассказывали, как Господь наказывал безбожников. То мор нашлёт, то молнии с неба, то персонально накажет слепотой или немотой. Всё это позабылось с годами, но недавний случай, когда молнией убило второго секретаря райкома, ломавшего крест, оживил в его памяти строки из Библии: «Если же и после сего не слушаете Меня и пойдите против Меня, то и Я в ярости пойду против вас и накажу вас всемеро за грехи ваши⁸».

Вот этого Шпаков и боялся.

Наган – он, конечно, даёт власть, но большее уважение и трепет вызывает портфель, пошитый из той же кожи, что и плащи чекистов. Портфель был у Шпакова, а наган у Бирюкова. И если бы на дворе был год двадцатый, лежал бы товарищ Шпаков с дыркой в голове да на сырой земле, и Бирюкову ничего за это не было бы. Шлёпнул да шлёпнул. Значит, было за что.

Но год был не двадцатый, да и присутствие милиции из района накладывало отпечаток на субординацию.

⁸ Лев. 26:27–28.

– Давай лепи дале, – то ли Макару, то ли уполномоченному сказал Тихон Ильич и сел на принесённое из храма архиерейское кресло.

Макар Кузьмич Колокольников – коренастый, сильный мужик, с руками-граблями, с окладистой смоляной бородой и, что самое интересное, белый как лунь. Когда поседел – сам не знал, всем говорил, что таким родился, и добавлял: «Только без бороды». Был он из зажиточных: маслобойню держал, коров полсотни, лошадей для выезда и всякой мелкой твари по паре. Одним словом – кулак, но сообразительный. Как только подуло не оттуда, да не тем, продал всё, включая дом, разделил между сыновьями и дочерьми, расселил всех по разным сёлам и хуторам, купил мазанку на окраине и сел с женой у окна в ожидании актива.

А пока ждал, прочитал в ноябрьской «Правде» статью вождя с броским заголовком «Год великого перелома». Понятие «культурных сил» он понял по-своему и, сославшись на Сталина, накатав в район бумагу, что хорошо бы на селе организовать клуб для воспитания тех самых «культурных сил». А так как помещения своего у клуба нет, то можно под него приспособить здание церкви. Письмо запечатал и отвёз в район, положил на ступенях и ушёл. А через неделю к нему приехал товарищ Шпаков как главный по вопросам досуга

на селе и назначил Кузьмича заведующим этого самого дома культуры.

И так получилось, что Макар Кузьмич оказался единственным из бывших, кто не претерпел, не был лишён и не лишился прав, был не выселен и не арестован, а с прибытком пошёл на повышение, получив должность завклуба при новой власти.

И вот теперь завклуба требовал не сжигать «опиум для народа», а, переключив, пошить множество нужных в употреблении вещей.

– Перенесём, а дальше что? – Шпакову нужны были ориентиры. Как человек быстрого ума он всё ловил на ходу. Но недосказанность не давала ходу творческой мысли, и он страдал.

– Я всё перемеряю, пересчитаю и доложу в район – вам, товарищ Шпаков. — Кузьмич подобострастно кивнул, ловя взгляд уполномоченного. Поймал, понял, что инициатива одобрена, и продолжил: – Из всего барахла шторы пошьём, занавес в клуб. В сельсовет шёлк отдадим, вместо газет пушай стелют на столы. В район, в отдел культуры, отвезем и парчу, и полотенца, и подушки. Стены у вас в кабинете, – тут Макар ткнул в уполномоченного жёлтым от табака пальцем, – можно обить тканями вместо шпалер: и красиво, и

тепло. Кафтаны да сарафаны (Макар имел в виду стихари и фелони) отберём для спектакля «Поп – толоконный лоб», а что-то для сценки «У попа была собака»: всё-таки у нас дом творчества, так сказать, муза, а не трактир.

Колокольникова несло... Народ дивился, Бирюков морщился, а товарищ Шпаков уже видел перед собой не сельский клуб, а театр областного масштаба и заслугу свою в том, что поддержал завклуба в его начинаниях.

Кроме одежд и тканей, Макар Кузьмич забрал иконы – с мотивировкой «для музея». И это понравилось уполномоченному, отчего он растрогался, долго хлопал завклуба по плечу и так же долго сморкался, прочищая нос от сосулек.

Макар всё свез на пяти возах. Что в позолоте – в доме положил, что медное – в сарае, а тряпчное и деревянное – на гумне, под навесом, где снег и ветер.

Пообещал в три дня накатать план применения конфиската и переслать Шпакову. А пока товарищ из района был здесь, Макар отобрал ключи от храма у председателя и подсунул бумагу за собственной подписью на имя Шпакова и Бирюкова с требованием застеклить за счёт сельсовета новоиспечённый Дом культуры и творчества.

Вечером был разговор с женой – женщиной богобоязненной, тихой, но упрямой в тех вопросах, что касались её ком-

петенции. Она первая завела разговор о том, что, собственно, задумал Макар и зачем ему всё это.

– Я же не для себя стараюсь... Для Бога, – говорил Макар, купая усы в квасе. Отпил, вытер бороду тыльной стороной ладони и продолжил: – Вот ты пойми, несознательная: я сегодня всю эту благодать, – тут он обвёл рукой горы вещей, лежащих внавал на полу, на лавках, на печи, – спас от сожжения. Зачем? А затем, чтобы Богу угодить.

– Да чем же ты, Макар, Ему угодишь? Если бы ты всё это в церковь снёс да попу бы нашему Леонтию отдал, глядишь, Бог бы тебя и отблагодарил. Только попа пойдя сыщи, днём с огнём не найдёшь. Где он? Может, в Сибири лес валит, а может, в овраге догнивает. Да и церковь закрыли. Сгниёт всё или мыши поедят... А грех на тебе будет!

– Близка твоя мысль к истине, только не до конца созерцает она волю Божию.

– Да неужто тебя откровение было? – с издёвкой сказала жена. – Ишь, святой нашёлся.

– Не святой... Но видение было.

– А может-то, видение от бесов было, чтобы душу твою совратить? Ты же лба дома не перекрестишь, всё на людях только.

– Замолчи... Ишь, удумала – от бесов. От них воняет, а я с ангелом чистоты общался. Он так и сказал: забирай в дом, а что делать – подскажу.

– Подсказал?

– Подскажет, не волнуйся, – Макар зевнул, утомлённый ненужным, как ему казалось, спором, – давай спать, полночь уж.

– Так на чём спать-то? Кровать вся завалена благодатью.

– Ну так скинь на пол.

– Они же освящённые.

– Скидывай! Я не видел, как их освящали, а ангел ничего по этому поводу не сказал.

Через три дня, как и обещал, Макар Кузьмич накатав в райцентр бумагу на имя Шпакова, где подробно, по пунктам, излагал ход, как ему казалось, ангельских мыслей. Предложение Кузьмича сводилось к следующему: на селе, кроме клуба, устроить музей «Безбожник», куда и определить всё, что останется от перекройки и перепошива. При входе поставить косматые чучела, нарядив их попами, старух рядом горбатых и костлявых, смерть с косой (не страшную), можно выпивающую с тунейдцами, иконы на стенах повесить сплошняком, чтобы в глазах рябило, и плакаты – цветные, красивые, с пролетарскими лозунгами. А во дворе, перед крыльцом, устроить могилку, такое фиктивное захоронение, и надпись на кресте, на досточке: «У попа была собака...».

Больше всего Шпакову понравилось про могилку. Насме-

ялся, прослезился, высморкался и поехал в область за поручкой на музей. Там шутку оценили, пообещали денег и поставили план: к празднику Крещения музею быть. Тут же из области был звонок Бирюкову с требованием подыскать здание под музей.

Было это за два дня до Введения и почти за месяц до обещанного срока.

– Ты что собачишься, не с той ноги встал, что ли? – Макар Кузьмич сидел перед председателем.

На столе алым кумачом сияла скатерть, пошитая из катапетасмы⁹. И то, что она была вся в узорчатых крестах и лилиях, придавало обстановке некую аристократичность. Скатерть невольно преображала кабинет, осеняя его своей благодатью. На столе стоял потир¹⁰ с водой, чашки по кругу, и всё это было накрыто покрывцами. «Не по делу, зато в сохранности», – думал Макар Кузьмич, краем уха ловя хулу в свой адрес.

– Я, дорогой мой писака, с гражданской встаю всегда с одной и той же ноги.

– Прости, сорвалось.

⁹ Катапетасма – завеса в алтаре, прикрывающая Царские врата.

¹⁰ Потир – чаша, сосуд для христианского богослужения, применяемый при освящении вина и принятии Святого Причастия.

– Сорвалось у него... Заварил кашу, умник, – расхлёбывай.

– Ты, Тихон, скажи, чего расхлёбывать. А я уж расхлебаю.

– Вот где я тебе дом под музей возьму? Нет у меня домов. Двухэтажный кулака Филимонова под школу отдали; тот, что Прохоровым принадлежал, под правление; Култышкинский с мансардой – под фельдшерский пункт... Мы не уезд и не волость, у нас кулаков раз-два и счёт кончился.

– Может, церковь?

– Как вариант. Только там клуб вроде наметили.

– Клуб можно и подвинуть. Там всем места хватит.

– Ну раз хватит, давай двигай. С тебя и спрос будет.

– Забор мне нужен.

– За каким таким... – хотел выругаться Бирюков, но удержался, ласково провёл рукой по скатерти, чувствуя выпуклость шитых крестов. – Вот благодать, даже ругаться не хочется. Так зачем тебе забор?

– Еспозицию...

– Чего плетешь? – Председатель стукнул культяпкой по полу – то ли от возмущения, то ли от неясности. – На благодати сидим, благодатью утираемся, а ты материшься. – Бирюков имел в виду, что не только стулья и столы обшил Маркар Кузьмич, но и полотенчики принёс в дар правлению – те самые, которыми священник свои белые рученьки вытирал после омовения. За что Кузьмичу с бантиком, но это мысленно, а на людях начальство должно быть... эх... сила, а не

слюни деревенские. Взял и треснул кулаком по столу, да так, что покровцы подпрыгнули.

Макар засопел, полез в карман, вытащил газетный клочок, прочитал, шевеля губами, трудно запоминаемое слово, поднял голову и, глядя на Тихона, сказал:

– Экспозицию делать будем.

– Ты человеческим языком скажи.

– Выставленные напоказ предметы культа и искусства, которые имеют некую ценность, должны быть в сохранности.

– Вот ты выдал... предметы культа и искусства. Ладно, пиши заявку на пару кубов доски необрезной, я подпишу.

После обеда опять был разговор с женой. Говорили о музее и о том, что Макар Кузьмич делает что-то не то, как ей казалось.

– Сам себя заживо хоронишь – не на кладбище, в Царствии небесном.

– Отвянь! – бурчал Макар, пересчитывая предметы церковного быта, разложенные на столе.

– В геенну огненную захотел, сам прёшься и меня тащишь.

– Отвянь, – Кузьмич поднимал стопками одежды посчитанные и скидывал на пол, в места попираемые и нечистые.

– Вот помрешь – я за тебя записки подавать не буду.

– Это почему?

– Безбожник ты!

– Ой, ой, ой. С чего это так?

– А у тебя ничего святого нет.

– Я антиминос припрятал? Припрятал. Книги богослужебные сохранил? Сохранил. Храм остеклил? Остеклил. Так как же ты говоришь, что я безбожник?

– Иуда тоже апостолом был... А вон что вышло.

И не было бы ничего, если бы «ангела» того, о котором наемни сказывал Макар, он саморучно не впустил к себе в душу ещё по молодости. Давно это было. Горяч был тогда Макар Кузьмич и несговорчив. Людей нанимал – спуску не давал. В аренду что брал – своего не упустил. Под проценты деньги ссуживал – шкуру потом спускал. Так и жил-поживал, барышами карманы набивал. Вот на этом враг человеческий и подловил Макара: на тщеславии да на сребролюбии, а как до музея дело дошло, так вообще свояком стал, считай, что родня.

– Дура. Ещё раз брякнешь такое – убью, – рявкнул Макар. Замахнулся кулачищем, что как молот был, да так, что Дарья дёрнулась в испуге, налетела затылком на косяк печи, рассадив голову в кровь.

С первой кровью пришло понимание: «Бес в нём. Никогда на меня руку не поднимал. Точно бес... и всё из-за одежд этих, будь они не ладны. И зачем только церковь закрыли?» Хотелось плакать, но из боязни разозлить мужа всхлипнула,

зажимая ушибленное место, и, сутулясь, кинулась из тёплой хаты в холодные сени. Как была в кофточке поверх ситцевого платья, так и метнулась, стараясь не смотреть сатане в глаза.

– Дура, овца, ишь, с Иудой меня сравнила! – Загремело что-то, упало, разбилось, опять загремело, покатилося по комнатам. Не то посуду он там бил, не то вёдра валял. Бесился, одним словом. – Порублю! – донеслось до Дарьи. Она вздрогнула и перекрестилась. – Убью, сука, только воротись! – орал Макар, а вот в сенцы не выходил, как держало его что-то. И слышались удары – глухие и вместе с тем хлёсткие: рубил топором дерево, бил по лавкам да по столам.

В сенях было холодно. Сунув руки под мышки, жена Макара стояла, не зная, что делать. Тут тихо да холодно, а где тепло – там буйно. Пойти можно было, да только за смертью лютой. Вот и дрожала телом от холода, душой от страха.

«Уйду я», – подумала Дарья и услышала в ответ: «Иди. К вечеру возвращайся. Всё разрешится...»

В сенях была кладовка, лук там хранили, соленья, зерно в коробе, всё накрыто тряпками старыми и тулупом ветхим, дедовским. Стащила одёжку, укуталась с ног до головы, воротник подняла, на голову – шаль, мышами изъеденную, на ноги – валенки. Открыла дверь и вышла на крыльцо.

Куда идти, Дарья не знала. Дети по хуторам жили, из по-

друг половину выслали, а кто остался – не то, что в доме, в собачьей будке не постеляют. Постояла, потопталась и пошла в сторону храма с мыслью: «Бог милостив, не оставит». Пока шла, сунула озябшие руки в карманы – и звякнуло под пальцами что-то. Нащупала и поняла: вот где Макар ключи от храма прятал на тот случай, если Бирюков взъерепенится.

Замок щёлкнул и снялся с проушин, а вот дверь подмёрзла, пришлось навалиться и ткнуться в неё плечом. Сверху с козырька сыпануло снегом – лежалым, холодным, колючим. Дарья отряхнула платок, дёрнула на себя ручку и вошла. Буруны от позёмки, что набил ветер под дверь, словно пальцы, тянулись в глубь притвора. Под ногами захрустело битое стекло, поверх которого катались промороженные свечи, рассыпанные по всему полу. В храме было гулко, холодно и неуютно. Жена Макара прошла по церкви до алтаря, там перед иконостасом по левую сторону всегда висела икона Божией Матери «Умягчение злых сердец». Куда делась икона и где сейчас иконостас, одному Богу известно. Во всяком случае, Дарья точно знала: ни того ни другого в их доме нет. Опустилась на колени перед пятном на том месте, где когда-то висела икона. Пятно было светлое в силу того, что копоть со свечей и с кадила чернит гарью предметы, оставляя то, что под ними, вне черноты. Дарья Пантелеймоновна

пошарила рукой по полу, насобираала свечей, а когда поняла, что зажечь их нечем, сложила аккуратной стопкой у стены и перекрестилась.

– Матушка Богородица, милая, пощади. Приими молитву мою малую... – Дарья замолчала, подбирая слова. – Не за себя прошу, за мужа, за Макара Кузьмича. Дурак он, гордец. Милости прошу ему, а себе наказания, что не остерегла. Хоть смерти меня предай, хоть параличом разбей, всё приму. Только огради его от задуманного. Всё во власти Твоей... и мир душе его дать, и беса изгнать. Помоги...

Не успела она договорить, как ветер бросил в окно пригоршню льдинок. Громыкнула дверь, и запели петли протяжно и тоскливо: «Мииир... всееем». Сердце дёрнулось и затрепыхалось, вызывая страх и липкий холодный пот. Дарья повернула голову – и замерла.

На пороге, в проёме, стоял бес: высокий, в длинном распахнутом балахоне, с остроконечной головой и огромным баулом в руке. Стуча когтями, прошёл в притвор, бросил баул на пол, да так, что звякнули в нём души грешников. Потянулся к поясу, вытащил револьвер системы Нагана и голосом Бирюкова строго крикнул, вызывая эхо под сводами храма:

– Кто здесь? А ну выходи, а то постреляю... Ишь, удумали, нечестивцы! – Что удумали – не сказал, только взвёл курок и пошёл к алтарю, в угол, где дрожала онемевшая от ужаса Дарья. И видела она, как балахон превращается в распахнутую шинель, а голова луковкой – в буденовку, и не когти

цокают по полу, а деревяшка постукивает.

– Это я, Тихон Ильич, – робко ответила Дарья, пытаюсь подняться на ослабших, от страха, ногах.

– Кто «я»? – по голосу он её не признал, хотя чувствовал в интонациях знакомые нотки.

– Дарья... Макара Кузьмича жена.

– Вот так новость, вот так сюрприз, не ожидал. – Щелкнула собачка на револьвере. Это он на предохранитель оружие поставил, сунул за пояс пистолет и пошёл на голос, опираясь на костыль, стуча протезом по ещё целым, не выломанным полам.

Постояли, поглазели друг на друга, отходя от неожиданной встречи.

– Сядем, что ли, Тихон Ильич? – предложила Дарья, показывая на солею¹¹.

– А чего бы не сесть, в ногах правды нет. Тем более в одной.

Тихон и Дарья сели на возвышенность. День стоял серый, неуютный, отчего в храме было сумрачно. Председатель вынул из коробка спичку, чиркнул, Дарья протянула свечку, подождала пока разгорится пламя и начнёт таять воск, накапала на пол и прилепила свечу. В храме посветлело. Бирюков достал папиросы, хотел закурить, но передумал. Покрутил пачку и сунул в карман.

– Я вот что пришёл, – начал председатель безо всякого

¹¹ Солея – возвышение пола перед иконостасом в христианском храме.

вступления, – думаешь, страх Божий меня пригнал? Нет, Дарья. Страх тут ни при чём. Вон в позапрошлую осень я один в банду сунулся, не убоаясь, всех там и положил. Нету у меня страха. А вот с совестью непорядок. Изглодала она меня. Собрал, что муж твой нашёл да настрочил, сунул в мешок и принёс сюда. Лучше бы оно сгорело в тот день.

– Для всех было бы лучше.

– Мне-то кресты и парча жить не дают, а ты что тут делаешь?

– За мужа молюсь, непутёвого.

– Чем же он провинился? – Бирюков хохотнул. – Мужик он у тебя ушлый, всех провёл, всем подлизал, выбился в директора музея, которого отродясь и в областном центре не было. Далёко пойдёт... Если кулак пролетарский не остановит.

– Вот за то и молюсь, чтобы из директоров турнули.

– Да кто осмелится? Он теперь в фаворе у районного начальства. Сам первый секретарь за него горой.

– Я же не людей прошу, Бога...

Снег уже по-вечернему заалел, когда вышли из церкви. Ключи от храма Дарья всё же отдала Бирюкову хотя, как выяснилось, у него были запасные. Перекрестилась на изуродованный крест, попросилась с председателем и пошла к до-

му, неся на душе не то камень, не то плиту чугунную. Что там, дома, как там? Хотела позвать Бирюкова, но побоялась. Макар – он непредсказуем: кинется с топором на председателя, а у того револьвер... И кто ляжет первым – неизвестно. Не дай Бог, собственный муж, хотя и за председателя на Страшном Суде спросят.

С каждым шагом ноги всё глубже утопали в сугробах, шаг становился короче, и в конце концов она остановилась. Села в сугроб и заплакала, да так жалобно, что собаки в соседних дворах подхватили и заскулили не то от тоски, не то от ужаса.

Видел всё это Тихон Ильич, обернувшись до чужой жены. Взглядом провожал её, обнимая мысленно, хотел доковылять, помочь, но боковым зрением поймал неспешно въехавшие в проулок сани и ушёл огородами, дабы не навлекать на Советскую власть порицания за прелюбодеяние.

– Здравствуйте, Дарья Пантелеймоновна, а я к вам, к Макару Кузьмичу. С постановлением из района. – Из саней махнул шляпой Шпаков, тронул за плечо извозчика, выскочил – и к ней. – Давайте помогу, устали, откуда вы? – Уполномоченный помог Дарье подняться, отряхнул, довёл до саней и усадил на ковёр, что был постелен поверх слежавшейся копны сена.

– Из церкви, – не стала юлить жена Макара, посчитав: что будет, то будет.

– Так её ж закрыли, насколько я знаю. – Шпаков плюхнулся рядом, прижал портфель к животу и махнул ручонками:

мол, погоняй. Лошадь напряглась, дёрнула и оторвала от наста успевшие пристыть за пару минут сани.

– Вы закрыли, я открыла.

– А на каком основании, позвольте узнать?

– Сегодня же Введение...

Шпаков промолчал, понимая, что все разговоры на религиозную тему всегда сводят к одному: к признанию или отрицанию. Отрицать он боялся, а признать стыдился. Молчала и Дарья, понимая, что развязка не за горами, а вон за теми тополями. С тем и доехали до дома Колокольниковых.

Во дворе было тихо, кобель не лаял, не метался. «Сдох, что ли?» – подумала Дарья Пантелеймоновна и, бросив взгляд в сторону будки, осеклась. Привязь была разорвана, на снегу валялся чёрный ошейник. Цепочка собачьих следов уводила на гумно, далее в огород и в овраг, заросший молодыми ивами. На крыльце отчётливо виднелась одна пара следов. В груди заныло. Значит, Макар из дома не выходил.

– У вас оружие есть? – спросила Дарья, пожалев, что не позвала Тихона с собой. У того-то точно есть, сама видела.

– А что нужно?

– Да как вам сказать... Буянил Макар давеча... так, немного, с топором по дому бегал, обещал меня убить. Как бы чего не вышло.

– Знаете что, Дарья Пантелеймоновна, вот, – Шпаков нырнул с головой в портфель, вытащил бумагу и протянул женщине. – Вы это... короче, пусть Макар Кузьмич подпишет

постановление. А я здесь подожду.

– Как скажете. – Держась за перила, Дарья поднялась на крыльцо, толкнула дверь и вошла в сени. Было тихо и холодно. Постояла, прислушиваясь. Потрогала стены, отделяющие сени от избы, они были ледяные. «Остыла уже печь, значит, не топил. Может, ушёл куда? А куда? Да меня искать пошёл и замёрз где-нибудь. А следы? Не по воздуху же он улетел?» Сердце ещё раз дрогнуло – как там, в храме, когда Бирюкова за сатану приняла. Застучало, заколотилось, погнав адреналин по венам, отчего появилась храбрость и дерзновение на поступки смелые, необдуманные. Толкнула она дверь в хату, шагнула через порог – и полетела, споткнувшись о тело мужа.

Втроём, считая извозчика, перенесли Макара Кузьмича на кровать. Уложили, накрыли тёплым одеялом и встали, не зная, что делать. Макар Колокольников был жив, но изрядно промёрз, лёжа на холодном полу, куда упал не по своей прихоти, а по случаю полного паралича. За Дарьей погнался или просто хотел выйти во двор – одному Макару было известно да Богу, но оба молчали в силу разных обстоятельств. Только топор был всажен в дверь по самый обух. На том и порешили, что всё-таки погнался.

Дали знать Бирюкову, который обещал привезти доктора.

Пока ждали председателя с активом, Дарья рассказала уполномоченному, как в её мужика вселился бес и довёл до состояния полной расслабленности, а всё из-за того, что не было у Макара страха Божьего. А так как она была женщина грамотная и начитанная в Писаниях и патериках, то сходу и цитату подобрала для пущей убедительности.

– «Венец премудрости есть страх Господень, дающий мир душе и невредимое здравие», – говорила Дарья, глядя Макара по голове. Макар мычал что-то невразумительно и кивал головой, во всём соглашаясь с женой. – «Страх Господень отгоняет грехи; не имеющий же страха не может оправдаться»¹². – И добавила, глядя в глаза Шпакову: – Наказал его Бог за дерзость, что осмелился Божьим распоряжаться.

Шпаков слушал, икал и мысленно крестился, робея в присутствии Дарьи и хлопающего глазами Кузьмича перекреститься явно, троекратно.

Пришёл актив. Долго, как в доме покойника, шаркали в сенцах валенками, обивая снег, и так же долго входили – по одному, хлопая безостановочно дверью. Последним зашёл врач местной амбулатории, осмотрел Кузьмича и вынес вердикт, и так всем понятный: апоплексия, или, по-простому, инсульт. Доктор прописал покой, грелку на онемевшие члены и ушёл, пообещав к вечеру заглянуть: всё-таки не рядовой колхозник – директор музея и завклуба по совместительству, третий человек на селе после председателя и участко-

¹² Прем. Сир. 1:18, 21

Уже больше часа все присутствующие в доме, за исключением расслабленного, сидели за столом. Пили чай, курили, спорили. Что делать с музеем, никто не знал. Что делать с церковным имуществом – тоже. Председатель сельсовета отнекивался, уполномоченный открещивался. И только Дарья имела план, открытый ей провидением.

– У меня предложение, – сказала она и замерла, ожидая реакции мужиков.

Реакция была положительной.

– Что предложите Дарья Пантелеймонова, всё примем. – Товарищ уполномоченный был решителен. После душевных бесед с Дарьей он был готов на всё, кроме музея.

– За что возьмёшься, во всём поддержим, – подмаслил кашу Бирюков, после встречи в храме тоже пожелавший встать на путь исправления.

– А тут и предлагать нечего. Вынести всё во двор, полить керосином и сжечь. Попустил Господь сжечь – значит, надо было жечь, а не устраивать музей, да ещё с таким дурацким названием «Безбожник».

Сказала – как обрубила. На душе у всех полегчало, от сердца отлегло, оставалось выработать схему, как всё устроить, чтобы всем было хорошо и за это никому ничего не бы-

ло. Кумекали недолго, после чего и появилась на свет бумага, поставившая точку в этой истории.

Текст постановления звучал так: «Учитывая, что директор музея слёг, разбитый параличом, и нет перспектив его выздоровления, всё церковное имущество, принадлежащее музею, дабы его не расхитили церковники и не использовали в своих религиозных целях, решением поселкового совета под председательством тов. Бирюкова и в присутствии тов. Шпакова, подлежит сожжению». Подписали и прихлопнули сверху поселковой печатью для солидности.

Бирюков передвинул стул и подсел к кровати, на которой лежал Макар Кузьмич. Взял слабую, безвольную его руку в свою и безо всякой злобы сказал:

– С чего начали, тем и закончили. А стоило ли начинать, а, Кузьмич?

И услышал председатель и все, кто были в комнате, голос не земной, ангельский:

– Стоило! И об одном покаявшемся грешнике ангелы поют на Небесах...